ИСПРАВНОСТЬ И РАСТОРОПНОСТЬ.

Человѣкъ пять рядовыхъ Киштымскаго пѣхотнаго полка сошлись и толковали промежъ собой о томъ, что скоро смотръ, а у нихъ у однаго не было въ чемоданчикѣ сѣрыхъ нитокъ, у другаго черныхъ, у четвертаго ваксы, а у пятаго, какъ сказывалъ онъ самъ, не было розданнаго товару на третью пару сапогъ; у него вишь свой же однокашникъ выпросилъ товаръ взаймы, да къ сроку и не отдалъ.

Ну, сколько они ни толковали, а день смотра насталъ; какъ же кто изъ нихъ изворотился, да управился? А вотъ какъ: одинъ сказалъ: коли нѣтъ, да спрашиваютъ, такъ надо добыть; пошелъ да укралъ гдѣ–то платчишко, продалъ его, напился пьянъ и купилъ нитокъ. Другой говорилъ: воля Господня; воровать не стану, а нѣтъ, такъ негдѣ взять, и пришелъ на смотръ неисправнымъ. Третій выканючилъ да выпросилъ, что ему надо было, у добрыхъ людей Христа–ради; четвертый положилъ вмѣсто ваксы начерненый деревянный

брусочекъ, обманулъ командира и оказался исправнымъ. А пятый, у котораго недоставало пары сапогъ, поработалъ денька три въ поту лица, да на сапоги и заработалъ.

Ну, какъ по вашему, кто тутъ правъ, кто виноватъ, кто изворотился какъ слѣдуетъ расторопному, честному солдату, а кто иначе?

Я думаю, тутъ нечего и толковать; который укралъ платокъ да на него исправился, все–таки воръ. Который, перекрестясь, молвилъ: воля Господня! да ничего къ смотру не припасъ — дрянной, ледащій солдатъ; солдату Бога бояться и на Него возлагать надежду свою надо, да только съ тѣмъ, чтобы и самому быть исправнымъ; коли ты все, что съ тебя спрашиваютъ, отбудешь, тогда на Бога надѣйся, и Онъ тебя не оставитъ. А коли, пожалуй, самъ ѣсть не станешь, ложки ко рту не поднесешь, да будешь надѣяться, что Господь не оставитъ тебя, какъ не оставляетъ птицъ поднебесныхъ, такъ за это въ угодники не угодишь, сытъ не

будешь; тебя просто покоробитъ, да въ три дуги согнетъ, а плоть–таки свое возьметъ. Дальше; тотъ, который Христа–ради выпросилъ, чего ему надо было, также неправъ: стыдно солдату побираться; не на то Богъ ему далъ здоровыя руки, ноги да разумную на плечахъ голову. Тотъ, который обманулъ командира, показалъ вмѣсто ваксы брусочекъ — мошенникъ, что ни говори. Ему, стало быть, не первинка этакъ–то обманывать, да и впередъ чай на ремесло это зароку не положитъ, и нѣтъ въ немъ ни чести, ни правды. А тотъ, который товаръ свой отдалъ другому, да отдавши и самъ черезъ это попалъ–было въ бѣду, а таки–вышелъ правъ и чистъ и исправенъ, добылъ на потовую копѣйку свою, что слѣдовало; тотъ каковъ? Того я знаю, ребята, давно: это душа–человѣкъ, изворотливый, расторопный, исправный солдатъ, какимъ дай Богъ быть и мнѣ и тебѣ. Никого онъ не обидитъ, ни на кого онъ не ходитъ просить, ни съ кѣмъ не ссорится, да и не пойдетъ кланяться, упрашивать своего ли брата, сторонняго ль

человѣка, сдѣлай мнѣ пожалуста то и то, либо дай то да это! За что ни принялся, то самъ и сдѣлалъ, и времени на все у него станетъ, и умѣнья станетъ, и работы не боится, не пугается; затѣмъ онъ и исправенъ.

Бывало, съ вечера нарядъ въ караулъ; засуетятся ребята: у кого брюки по шву распоролись, да не–когда было зашить; у кого пуговицы не хватаетъ, да негдѣ ее добыть; у кого аммуниція не почищена, либо крючекъ на воротникѣ обломался; а у нашего у Сергѣя Лопатина, хоть его о полуночи подымай на ноги да вели одѣваться, хоть на зарѣ, все какъ съ молотка да съ иголочки; всталъ, встряхнулся, умылся, помолился, одѣлся и стоитъ передъ тобой, что листъ передъ травой, веди сейчасъ его хоть на ординарцы, не токмо въ караулъ. Бывало, въ глаза смѣется онъ солдатушкамъ, которые жалуются, что не–когда, да не поспѣютъ. Врете, говоритъ, дураки, не въ томъ сила что не–когда; Богъ далъ сутки, Богъ далъ въ нихъ и время; не въ томъ

сила, что времени нѣтъ, а въ томъ, что нѣтъ у васъ досугу, а досугу нѣтъ отъ того, что нѣтъ досужества. Ты прогуляешь да изведешь пустяками часъ, полтора, да послѣ не на верстаешь, ину пору хоть ночь на пролетъ сиди, хоть двѣ. Держи въ головѣ дѣло, помни его, да заботься о немъ — сказано слово: всякому дню подобаетъ забота своя — такъ и поспѣешь и совладаешь и управишься. Исправляй на себѣ все, что есть, что Государь пожаловалъ, не тогда, когда на службу зовутъ, а тогда, какъ со службы пришелъ, чинись да чистись сегодня, гулять будешь завтра, коли до гульбы охочъ, а нѣтъ, такъ за другое дѣло примешься.

Такъ говорилъ Лопатинъ, и перечить не смѣлъ ему никто; первое потому, что сами солдаты зывали его Сергѣемъ Павловичемъ, а второе потому, что Сергѣй Лопатинъ, кромѣ своей аммуниціи, держалъ въ порядкѣ и еще двѣ чужія: ходилъ онъ по своей волѣ за дворянами, за юнкерами, и за это получалъ отъ нихъ по цѣлковому на мѣсяцъ.

На это дѣло, слышалъ я какъ–то, полковой лясникъ нашъ — который, бывало, и вретъ такъ правду говоритъ — Власъ Карповъ сказывалъ разъ на бездѣльи, въ караульной, вотъ какую притчу:

Георгій храбрый, который, какъ вѣдамо вамъ, во всѣхъ сказкахъ и притчахъ держитъ начальство надъ звѣрями, птицами и рыбами, Георгій храбрый созвалъ всю команду свою службу служить, и разложилъ на каждаго по работѣ. Медвѣдю велѣлъ на шабашъ, до вечера, семьдесятъ семь колодъ перетаскать, да сложить срубомъ; волку велѣлъ земляночку вырыть, да нары поставить; лисѣ приказалъ пуху нащипать на три подушки; кошкѣ–домосѣдкѣ три чулка связать, да клубка не затерять; козлу–бородачу велѣлъ бритвы править, а коровушкѣ поставилъ кудель, далъ ей веретено, напряди, говоритъ, нитокъ; журавлю приказалъ настрогать зубочистокъ, да сѣрничковъ надѣлать; гуся лапчатаго въ гончары пожаловалъ, велѣлъ три горшка да большую макитру слѣпить, а

тетерку заставилъ глину мѣсить; бабѣ–птицѣ приказалъ на уху стерлядей наловить, дятлу дровецъ нарубить, воробью припасти соломки на подтопку, а пчелѣ наказалъ одинъ ярусъ сотъ построить да натаскать меду.

Ну, пришелъ урочный часъ, и Георгій храбрый пошелъ въ досмотръ, кто что сдѣлалъ?

Михайла Потаповичь, медвѣдь, работалъ до поту лица, такъ–что въ оба кулака только знай утирается, да толку въ работѣ его мало: весь день съ двумя ли, съ тремя ли колодами провозился; и каталъ ихъ, и на плечахъ таскалъ, и торчмя становилъ и на крестъ сваливалъ, да еще было и лапу себѣ отдавилъ и рядкомъ ихъ укладывалъ, съ концами ровнялъ да пригонялъ, а срубу не сложилъ. Сѣрый волкъ мѣстахъ въ пяти починалъ землянку рыть, да какъ причуетъ да разнюхаетъ, что нѣтъ тамъ ни бычка зарытаго, ни жеребенка, то и покинетъ, да опять на новое мѣсто перейдетъ. Лисичка–сестричка надушила куръ да утятъ много, подушки на четыре, да не стало у нея

досуга щипать ихъ чисто; она, вишь, все до мясца добиралась, а пухъ да перья пускала на вѣтеръ; кошечка наша усаживалась подлѣ слуховаго окна на солнышкѣ разъ десять, и принималась за урокъ, чулокъ вязать, такъ мыши вишь на подволокѣ, на чердакѣ, словно на–смѣхъ покою не даютъ; кинетъ кошурка чулокъ, прянетъ въ окно, погонится за докучливыми мышатами; ухватитъ ли, нѣтъ ли за воротъ которую–нибудь, да опять выскочитъ въ слуховое окно, да за чулокъ; а тутъ, глядь, клубокъ скатился съ кровли, бѣги кругомъ, да распутывай да наматывай, а дорогою опять мышенокъ встрѣчу попадется, да коли удалось изловить его, такъ надо вѣдь съ нимъ побаловать, поиграть; такъ чулокъ и пролежалъ, да сорока щебетунья еще прутки растаскала. Козелъ бритвы не успѣлъ выправить, на водопой бѣгалъ съ лошадьми, да ѣсть захотѣлось, такъ перескочилъ къ сосѣду въ огородъ, ухватилъ чесночку да капустки, а послѣ, говоритъ, товарищъ не далъ работать, все приставалъ да лобъ подставлялъ

пободаться. Коровушка жвачку жевала, еще вчерашнюю, да облизывалась, да за объѣдьями къ кучеру сходила, да за отрубями къ судомойкѣ, и день прошелъ; журавль все на часахъ стоялъ да вытягивался въ струнку на одной ногѣ, да поглядывалъ, нѣтъ ли чего новаго, да еще пять десятинъ пашни перемѣрялъ, такъ ли отмежевано, такъ работать не–когда было, ни зубочистокъ, ни сѣрниковъ не надѣлалъ. Гусь принялся–было за работу, да тетеревъ, говоритъ, глины не подготовилъ, остановка была; да опять же онъ, гусь, за каждымъ разомъ, что ущипнетъ глины да замарается, то и пойдетъ мыться на прудъ, такъ, говоритъ, и не стало дѣловаго часу; а тетеревъ все время и мялъ и топталъ, да все одно мѣсто, битую дорожку, не доглядѣлъ, что глины подъ нимъ давно нѣтути. Баба–птица стерлядей съ пятокъ правда поймала, да въ свою кису, въ зобъ запрятала и тяжела стала, не смогла нырять больше, сѣла на песочекъ отдыхать; дятелъ надолбилъ пазовъ и дырокъ и ямочекъ много, да не смогъ, говоритъ, свалить ни

одной липы, крѣпко больно на ногахъ стоитъ, а самосушнику да валежнику набрать не догадался; воробушекъ таскалъ соломку, да только въ свое гнѣздо, да чирикалъ, да подрался съ сосѣдомъ, что подъ той же стрѣхою гнѣздо свилъ, анъ ему и чубъ надрали и головушку разломило. Одна пчела только управилась давнымъ давно и собралася къ вечеру на покой: по цвѣтамъ порхала, поноску носила, ячейки воску бѣлаго слѣпила, медку наклала и задѣлала сверху, да и не жаловалась, не плакалась на недосугъ.

Такъ вотъ, говоритъ Власъ Карповъ, что значитъ досугъ, а что недосугъ.

Не тѣмъ часъ дорогъ, что дологъ, а тѣмъ, что коротокъ.

Береги день нынѣшній, а завтрашній станетъ беречь тебя.

Не досугъ вершитъ дѣло, а досужество.

Не губи ты часу со причасками, не погубишь вѣку.

Охочему да расторопному часъ нуженъ, вислоухому недѣля.

В. ЛУГАНСКІЙ